

Гульчера Быкова

Гульчера Вахобовна Быкова — профессор кафедры русского языка Благовещенского педагогического университета, доктор филологических наук. Автор большого количества учебно-методических и научных публикаций. Внесена в энциклопедии «Кто есть кто в лингвистике XX века» (М., 2002), «Славянское языкознание. Теоретическое и прикладное языкознание», серия «Ведущие языковеды мира» (М., 2005), «Ведущие языковеды Дальнего Востока» (Владивосток, 2006).



Рассказы

Погарок Погу

...А через несколько дней мы с Сашей поехали на остров. Оказывается, то, что я считала противоположным берегом Амура, был берег большого острова, расположенного посредине реки. А за ним протекала вторая половина Амура, невидимая со стороны села. Могучая река была в два раза шире, чем я себе представляла.

В весеннее половодье остров часто заливало водой, а когда та спадала, на заливных лугах поднималось могучее разнотравье. Из года в год жители Циммермановки заготавливали здесь сено, скирдовали его до зимы, а потом, уже по льду, перевозили в село. В низинах по всему острову стояла вода, в ней и задерживалась рыба, не успевшая уйти в Амур с весенним половодьем.

В покосную пору, если не было дождей, островные озера почти пересыхали. Подводные обитатели спасались у берега в траве, где было глубже и прохладнее. Отчаянные деревенские мальчишки забредали в камыши, тихонько подкрадывались и молниеносно совали руки под кочку, зачастую выхватывая зазевавшегося карася. При таком способе лова нужны были сноровка и быстрота реакции.

К одному из высохших озер мы и подошли. Решили наловить под кочками карасей, сварить уху на костре, а потом побродить по острову в поисках ягоды. На острове в изобилии росли калина, шиповник, лимонник, красная смородина.

Страсть собирать грибы и ягоду появилась у меня еще в Горном Алтае, а вот рыбачить я не умела. Но такой способ — руками под кочкой — был не для меня, я оказалась трусихой. Наступать босой ногой на песок или мелкие камни — еще куда ни шло, но чтоб на подводные растения — ой, боязно! Вдруг там кто-нибудь страшный с острыми зубами сидит и укусит. А уж под кочку руку совать — ни за что, так и пальцев недолго лишиться: а ну как там

вместо безобидного карася зубастая щука, или страшный сом, или колючая косатка, или просто страшное чудище болотное с глазами, зубами и рогами... Бр-р-р...

— Ну что ты фантазируешь? Здесь, кроме сонных карасей, ничего не водится. Вот смотри как надо: тихонько подходишь и — ра-а-з — видишь, какой лапоть зазевался, ух ты, красавец! Отъелся за лето, хорош, хорош. Ну, не дергайся. Сейчас мы тебя в сумку. Вот так.

Мне тоже хотелось добыть такого карася, пусть поменьше, но я так и не смогла преодолеть свой страх. Ну никак! Промучившись с полчаса, Саша понял, что со мной кашу, то бишь уху, не сварить.

— Ну не расстраивайся, с кем не бывает, — подбадривал он меня. — Встань вон там, на берегу, и порыбачь на удочку, а я добуду еще несколько карасей, костер разведу. Уха будет отменная.

Он наладил мне удилище, показал, как наживлять червяка, забросил леску в воду.

— Как поплавок нырнет, скорей вытаскивай, не зевай. Хотя в это время дня клев вряд ли будет. Да и вообще здесь на удочку не ловят. Куда вернее руками. Но ты все-таки попробуй.

Он ушел на другую сторону озера, к камышам, где кочек было больше, а я, хоть и не веря в успех, впилась глазами в поплавок.

— Поймайся, ну хоть небольшая рыбка, — взмолилась я. — Клюнь хоть разочек, хоть полразочка! Что тебе стоит? Ну, давай же, давай...

Но поплавок и не думал нырять. Он, как заколдованный, приклеился к поверхности озера. Проверила крючок — червяка почти не осталось, его, наверно, смыло водой. Заглянула в банку: там шевелились толстые сердитые черви — таких и наживлять страшно. Мимо пролетала стрекоза. Я поймала ее и насадила на крючок. Этого показалось мало, и я прицепила еще подвернувшегося кузнечика. Вот так наживка — сама бы заглотила! Снова забросила удочку — никакой реакции.

Да, рыбачка я ни к черту... И стала с любопытством глазеть по сторонам. Хотя озеро почти высохло, оно было довольно живописным: берега курчавились свежей зеленью трав, на правом берегу в зарослях густого черемушника пели птицы. Со мной так часто бывает — начинаю представлять себе то, чего в реальности нет, — например, как выглядят эти заросли весной, когда буйно цветет черемуха, как на озерную гладь слетают лепестки. Волной, словно белое покрывало, несет их по озеру... Слева, где маячила фигура моего спутника, трепетал на ветру высокий зеленый камыш. «Интересно, много он наловил? Ну-ка, ну-ка... О, еще один есть! Здорово! Так... А теперь не получилось: или под кочкой никого, или карась премудрым оказался — улизнул».

И вдруг я почувствовала такой сильный удар удилищем в ладонь, что едва его удержала. Лихорадочно поискала глазами поплавок, но его не было. Еще толчок, сильнее первого, вырвал удочку из рук. Леска на моих глазах стала быстро уходить в воду, за ней поползло по песку и удилище. Взвизгнув, я схватила его обеими руками и потянула к себе. Но на том конце лески, под водой, действовал кто-то сильный. Я перепугалась, но удочку не выпус-

тила, стала поднимать ее вверх и тянуть на себя. Получилось! Снова потянула на себя. И вдруг из воды вынырнула огромная желто-фиолетово-землистая морда. Такого страшилища я никогда не видела. Оно утащит меня в воду! Я отчаянно закричала и стала звать на помощь.

Рыбина бешено плескалась под водой, стараясь уйти в глубину. Страшная голова скрылась, и на поверхности мелькнуло большое сильное тело, неимоверно широкое от головы и узкое к хвосту. Оно было покрыто слизью и тиной, а само какого-то мерзкого серо-зелено-черного цвета. Увидев это чудище с усами и огромным безобразным ртом, я взвыла, бросила удилище и понеслась прочь.

— Стой! Стой! Куда ты? — кричал Саша.

— Вернись! Просто поддержи удочку. Не тяни, поддержи. И жди меня, — просил он.

Я быстро вернулась и успела ухватиться за конец удилища, которое уже было в воде.

— Не тяни его. Просто держи!

Меня била крупная дрожь, но я держала удочку, стараясь не смотреть на воду. Саша подбежал, взялся за удилище и потянул леску на себя. Оно изогнулось, угрожая треснуть под тяжестью рыбины. Ему пришлось изрядно повозиться, чтобы вытащить ее на берег. Это был огромный матерый сом. Меня всю трясло от испуга и восторга, я не верила своим глазам. Саша тоже удивился:

— Слушай, его, похоже, любопытство сгубило: отродясь здесь на удочку никто не рыбачил. Это он, наверно, на тебя загляделся... Больше пяти килограммов будет, — прикинул он, поднимая рыбину.

— Вот это да! Сама, я сама поймала! — вырвалось у меня что-то похожее на индейский боевой клич.

Мы отнесли добычу в лодку, потом разожгли на берегу костер, сварили отменную уху из карасей, а двух запекли в лопуховых листьях под углями. И пообедали на славу. Ничего вкуснее в своей жизни я не едала. Меня восхищало, что мой новый друг все умеет — и рыбу ловить, и костер разжигать, и уху варить. С таким не пропадешь. А как им восторгается тетя Аня! Она Татьяне без конца его нахваливает, все уши прожужжала. Спит и во сне видит, что ее дочь и он будут вместе.

Но рослую Таню не интересовали ровесники. Еще в седьмом классе у нее случился роман с красавцем студентом, который проходил стажировку на рыбнадзорной станции. Она влюбилась в него без памяти. Он наобещал ей с три короба, прожил с ней лето — и был таков. А Таня, изрядно перестрадав, влюбилась в его коллегу — другого студента-стажера. А потом еще... Об этом она рассказала мне по секрету, и я хранила его.

Недалеко от берега мы нашли полыхающую гроздьями калину и алый лимонник. Я рвала ягоду, а Саша щелкал фотоаппаратом. Он всегда носил его с собой и время от времени как-то незаметно фотографировал — и когда ехали на Бешеную, и на рыбнадзорной станции, и когда пересекали Амур, и на озере. Из-за сома пришлось быстрее возвращаться домой, потому что стояла жаркая погода: он мог испортиться. Я предложила поде-

лить улов, но Саша сказал, что в их семье сомов не едят... Я принесла добычу тете Марии, но мне никто не поверил, что это я поймала сома. Впрочем, Витька сказал:

— Дуракам, ну то есть новичкам, везет.

— От дурака слышу, — как подобает победителю, не обиделась я.

С того времени зародился во мне неумный азарт. Я поверила в свое рыбацкое счастье, и оно мне почти не изменяло. В конце зимы мы рыбачили на царскую рыбку — хариуса. Без всякой наживки — просто на махалку. Выдернешь — она, как заморская птица, сияет, трепещет радужными плавниками. Ранней весной, до появления зелени, подсекали на блесну больших пятнистых щук. Икра у них не хуже лососевой, а уж котлеты или пельмени — пальчики оближешь! Чуть позже, когда начинал дуть южный ветер и зацветала черемуха, ловили в островных озерах полусонных от зимней спячки большущих карасей. Летом выхватывали с быстрины красноперок, ленков, чебаков, сутками пропадая на Бешеной или на ее протоках во время долгих обходов по нерестилищам. Зимой, часами просиживая у лунок, добывали из-под льда сигов или сазанов. Я, правда, так и не поймала сазана — свою рыбацкую мечту. В пяти километрах от села были осетровые тони — ямы, где зимовали, кроме осетров, и красавицы калуги. Там рыбачили сетями.

Умение и опыт в рыбацком деле, конечно, главное, но фортуне часто на это начихать. Однажды мне просто повезло. Было это в самом начале увлечения рыбалкой. Весной, когда начался массовый подледный лов на хариуса, мужики ринулись на Бешеную. Я тоже увязалась с Сашей и его отцом, которого поначалу побаивалась. Приехали, заняли место на льду. А я не знаю где встать. Куда поставят, думаю, там и буду рыбачить. Саша отцу пару лунок продолбил, тот сразу приступил к делу. Потом появились две ямки в разных местах.

— Выбирай, где нравится.

— Даже не знаю, никогда не рыбачила на махалку, — растерялась я.

— Сейчас покажу, ничего сложного тут нет. Стой и подергивай вверх и чуть на себя. Вот так.

— И рыба начнет ловиться? Без наживки? Сомневаюсь я, однако...

Сашин отец насмешливо посмотрел на меня — мол, какая из тебя рыбачка? Горе одно. Я даже пожалела, что напросилась с ними — опозорюсь. Но махалку взяла и пошла к свободным лункам, которые никому не приглянулись. Опытные рыбаки знают толк в своем деле, выбрали что получше, а мне, неумехе, — что осталось. Заглянула со страхом в одну, но подошла к другой, словно кто подтолкнул туда. Опустила крючок в воду и только взмахнула раз-другой, как вдруг почувствовала, что леску напружинило, повело в сторону и тут же потянуло вниз, как магнитом. От неожиданности я взвизгнула и неловко, прямо на себя, выхватила из воды короткую снасть: в воздухе словно забила, затрепетала яркая чудо-птица. Это был крупный хариус, который, расправив плавники, червонной молнией летел в меня. Я, вскрикнув, отскочила в сторону, а рыба упала на лед и отчаянно забила, будто пыталась взмыть и улететь дальше.

Я метнулась к лунке, взмахнула несколько раз, и чудо повторилось: хариус, еще крупнее и радужнее первого, сверкнул над голубым кругом воды, будто только и ждал меня. Я прямо глазам не верила. Все было как во сне. Только я опускала леску в воду, как тут же ее тянуло ко дну под тяжестью очередной рыбины. Казалось, хариусы выстроились ко мне в очередь. Я чуть с ума не сошла от такой удачи, даже слегка ошалела. Да я и не понимала толком, что происходит. Решила, что все лунки на реке нашпигованы рыбой, успевай лишь выхватывать. У моих ног стремительно вырос целый шлейф красавцев-хариусов. Не успевшие окаменеть на морозе, они еще некоторое время подпрыгивали на льду, распушив плавники-крылья, а потом, скованные морозцем, затихали. Вот почему ее царской называют — за необычайную красоту и трепетность да за сладкий вкус.

И такой восторг охватил меня при виде радужного улова, что словами невозможно передать. Внутри тебя по жилам не кровь, а радость бурлит и клокочет, и кажется, что сердце сейчас выскочит и жар-птицей взмоет под облака! Я сдерживалась, чтобы не заулюлюкать на весь лес, не закружиться и не пуститься в пляс вокруг волшебной лунки. Оглянулась и вижу — мои напарники недоуменно смотрят, не понимая, что происходит: у них и по десятку хариусов не наберется, а у меня весь лед усыпан.

Потом мужики шутили: «Это нанайский бог Подя, покровитель рыбаков и охотников, на тебя глаз положил. Вот и подфартило».

Да, это, наверно, добрый Подя подтолкнул меня к той лунке, не иначе. Так бывает — она оказалась над ямкой, где зимовали хариусы.

Позже, когда родители переехали на Сахалин, я отводила душу на форели и корюшке, которая во время массового хода пронзительно и тонко пахнет свежими огурцами.

Однажды это было так. Я с двумя сынишками приехала в отпуск к родителям. А тут брат с работы приходит, возбужденный и радостный, руки потирает:

— Гонцы прут! Завтра с мужиками — на рыбалку!

— Какие гонцы? — не поняла я.

— Ну, так самую первую и крупную корюшку называют. После них она валом пойдет, но уже мельче. Это не то. Вот гонцов и надо успеть подергать!

— Как — подергать?

— Тройниками, как еще!

И он засуетился, раскладывая рыбацкие снасти — блесны, самодельные крупные крючки, соединенные по три вместе и запаянные свинцовой трубкой (это и есть тройники), мотки лески, закидушки, переметы.... При виде такой роскоши у меня вдруг заныло-затрепетало где-то под ложечкой, и я взмолилась:

— Серега, возьми меня с собой, век не забуду!

— Еще чего! Это ж браконьерство, мужики — и те боятся, а ты куда? Без сопливых обойдемся. Сиди дома!

Я — к маме и стала ее уговаривать, чтобы она на Сергея повлияла:

— Если бы я никогда не рыбачила, куда бы ни шло. Можно подумать, я сама не браконьерничала? Забыли? Осеннюю кету кто сетками ловил? А

осетров? И тройниками на Бещеной летом горбушу подсекала. Ты же сама из нее котлеты делала. А щук кто добывал — правда, с Сашей вместе. А потом — я буду ловить только на удочку. Это же разрешается?

— На удочку можно, — подтвердил отчим. — Да возьми ты ее, Сергей. Просит же человек.

— Ладно, — сдался наконец брат. — Только не ныть. Сопли не распускать. Подъем в четыре утра. До электрички бегом, садиться — мухой: поезд три минуты стоит. А если от милиции драпать придется — руки в ноги и молчком за мной. Смотри у меня!

— Да ладно пугать, а то не знаю, как это делается.

Для меня нашлись легкая телогрейка, сапоги и кепка. Невысокая, худенькая, в них я была похожа на Гавроша. Весь вечер сочиняли легенду и хохотали до упаду. Если что — ну, скажем, рыбнадзору или милиции попадемся (тьфу, тьфу!) — я только школу окончила: несовершеннолетних под арест не берут. Звать меня Таней, а фамилия ну, скажем, Кузнецова или Сидорова. И вообще надо врать с три короба, адрес настоящий не называть, фамилию тоже, чтобы штраф не присобачили. А паспортов, естественно, с нами не было.

В воскресенье дети остались с мамой, а мы еще в темноте с рюкзаками за спиной заспешили к поезду. На станции в неясных сумерках толпились мужики с такими же рюкзаками и в поношенной одежонке. Желающих на гонцов было достаточно. Я была единственной особой женского пола с удочкой. Ясно, что все, кроме меня, ехали браконьерничать. Сергей взял с меня слово, что к тройнику я не притронусь, буду смиренно рыбачить в сторонке на удочку. Гонцы хорошо берутся и на червяка.

Подошел поезд. Брат втолкнул меня в тамбур, где уже толпились мужики из других сел. Гудок — и электричка понеслась как бешеная, теперь уже без остановок. В тамбуре немилосердно курили и еще пуще матерились. Никто, видимо, и не признал во мне существа женского пола.

На короткой остановке все кубарем выкатились из вагонов, потому что поезд остановился в неположенном месте. Мужики заранее скинулись машинистам, те и притормозили. Понятно, что никакой специальной площадки здесь не было, прямо выкатывались под насыпь, а дальше — под гору по росной траве. Через несколько минут я была уже мокрая с ног до головы, но упорно не отставала от рыбаков, которые неслись как угорелые к протоке. По правую руку остался небольшой железнодорожный мост. Пересекли ровную долинку и снова стали спускаться — теперь уже к воде. Наконец я поняла, откуда этот шум — протока была широкая и стремительная, как горная река. Вода в ней буквально кипела живым серебром. По всему побережью, в ложбине, стоял пронзительный запах свежих огурцов. Это мощным серебряным потоком шла первая корюшка — гонцы. На берегу уже было с десятков рыбаков — они, наверно, оставались здесь с вечера. Рядом с каждым стоял туго набитый мокрый рюкзак. Меня поразило, что здесь, как и во время стихийного марш-броска, все происходило в полном молчании: никто не курил и не матерился, все сосредоточенно рылись в рюкзаках, доставали тройники и забрасывали в бурлящую воду как можно дальше, а потом рыв-

ками подтягивали на себя. На конце толстых лесок билось и трепетало сразу по несколько крупных серебристых рыбок. Они пытались освободиться и уйти в темное нутро потока, но сорваться с крючка удавалось немногим. В воздухе раздавался свист лесок, да река угрожающе шумела, спасая в темной быстрине несущихся на нерест гонцов.

В белой дымке утреннего тумана ничего нельзя было разобрать, все были на одно лицо — мокрые, сосредоточенные, с точными, отработанными движениями-рывками, с безумными глазами первобытных хищников.

Захваченная общим азартом, я лихорадочно размотала леску, наживила червяка и забросила наживку. Тут же, с маху, поплавок ушел в воду. Я дернула — есть! Крупная корюшка упруго билась в ладони, бешено сопротивляясь, но я ловко сняла ее с крючка и снова забросила его в воду. И добыча началась! Я быстро наловила полный бидончик. Никакой другой емкости у меня не было. Кинулась искать брата, но отличить его от других рыбаков было невозможно.

Я стала следить за теми, кто был ближе ко мне. Вот это было зрелище! Мне тоже очень захотелось хоть разочек, хоть полразочка вот так же ловко выхватить из глубины живую вязку серебра. Я подошла к парню, рядом с которым валялся тройник, и попросила его ненадолго, на пять минут. Не глядя в мою сторону, он как робот кивнул головой. Я взяла снасть и, пятясь вправо так, чтобы никого не зацепить, забросила тяжелый тройник в воду. Он упал почти рядом с кромкой песка. Я снова подтянула его к себе, со свистом размотала что было силы над головой и резко зашвырнула в кипящий от рыбы поток. Есть! Тройник пошел как надо. Рывком, что было силы, дернула на себя раз, еще раз и еще. На трех крючках трепыхалось пять крупных гонцов. Вот это да! Быстро вырыла ямку в песке, нагребла по краям бортик, чтобы рыба не выпрыгивала, и стала бросать туда свой улов... Да, в азарте человек неуправляем и бесконтролен! В этом я не раз убедилась на себе. Из подсознания, из глубин генной памяти, как джинн из бутылки, вырываются древние инстинкты охотника, а если это грибы или ягоды, то собирателя — добытчика, одним словом. И ничего с этим безумным порывом нельзя сделать. Когда удача сама идет тебе в руки, невозможно остановиться. В это время разум просто-напросто отключается... Вот и я не помню, сколько времени таким образом закидывала и выхватывала взятую на минутку снасть. Я видела только темный поток да кипящее в нем живое серебро идущей на нерест корюшки и свой тройник, когда на нем трепыхалась добыча. Когда ямка переполнялась, я лихорадочно углубляла ее и снова брала в руки послушную снасть. Удача опьяняет и лишает человека чувства меры и времени.

Вдруг кто-то настойчиво тронул меня за плечо.

— Да иди ты! — в запальчивости отмахнулась я, решив, что это хозяин тройника. — Жалко стало? Сказала ж — верну, еще разок дерну...

И вдруг за спиной раздался хохот. Я обернулась. Рядом стоял милиционер, а чуть дальше вдоль берега выстроились арестованные рыбаки с набитыми корюшкой рюкзаками. Они так хохотали, что я наконец-то опомнилась и только теперь испугалась. Оказалось, что их уже с полчаса как

взяли под стражу, осмотрели рюкзаки, выстроили в шеренгу, чтобы отправить на ближайшую станцию в отделение милиции, а я все это время подсекала и подсекала, ничего не замечая вокруг. Да, рыбацкий азарт — загадка природы.

Арестованных заставили тащить в гору полные рюкзаки отборной корюшки, чтобы потом сдать ее на рыбзавод. Своя-то ноша, как известно, плеча не ломит, а вот если она уж не своя...

На берегу остались только я да милиционер. Потом я узнала, что женщин не брали под стражу, не составляли протокола, не отбирали улов. Оказывается, в прошлом году арестовали беременную женщину, которая напросилась на рыбалку с мужем. По дороге в милицию она от страха начала рожать. Случай этот получил огласку, вот и вышла амнистия всем браконьерам, тем более что их были единицы.

До приезда машины, которая должна была отвезти меня на станцию, милиционер прочитал мне лекцию о вреде браконьерства и заставил расписаться, что я прослушала ее и согласна. Я расписалась: «Сидорова». Милиционер широко заулыбался: это ж надо — на побережье столько Сидоровых, прямо империя Сидоровых!

Я привезла домой бидончик с пахнущей огурцами рыбой. Сергей приехал через три дня после принудительной отсидки, без рюкзака и без рыбы, злой и страшно голодный. И с квитанцией на приличную сумму — за браконьерство.

Иван Иванович

Начался второй день моей работы в редакции. Накануне по заданию редактора я побывала в строительной организации. С утра написала первое свое интервью и с нетерпением ждала, когда его напечатает неторопливая машинистка.

Крюкова прочитала интервью, кое-что поправила и сказала:

— В номер.

— Что, прямо вот так вот в номер? — не поверила я.

— Написано неплохо, — сдержанно сказала она. — Пером владеешь, хотя над стилем еще надо поработать. Тебе ближе художественная манера письма, а у нас газета, сельскохозяйственная районка. Привыкай. Завтра собирайся к Ивану Ивановичу Донцову, в колхоз. Выпиши у ответсекретаря пропуск — село пограничное — и временное удостоверение литсотрудника. Кончится испытательный срок — получишь постоянное. Выезд в пять утра.

— Так рано?

— А ты как думала? Весна, сев начинается. Позже приедешь — никого не застанешь в конторе: все в поле. Садись, записывай. В первую очередь организуй выступление председателя о начале посевной: дневная норма и ее выполнение, за сколько дней планируют закончить зерновые, кто лидирует,

ну и так далее. Чтобы зря машину не гонять, возьми там еще несколько материалов, на свое усмотрение. Поговори с завотделом сельского хозяйства, она лучше знает, о чем давно не писали, что сейчас актуально.

И я пошла к Маше в отдел.

— Что, в «Ленинский путь»? — удивилась та. — Выступление Ивана Иваныча?! Плохо твое дело. Крюкова же знает, что он на пушечный выстрел газетчиков не подпускает. По большим праздникам самой ей кое-что перепадает, а то и ее отфутболивает.

— А почему?

— Да, говорят, лет пять назад мой предшественник что-то напутал в его выступлении, ну, что-то с показателями — то ли завысил, то ли занизил. Видела бы ты, какой шум поднялся! Завотделом уволили, Крюковой вклепили выговор. С тех пор Иван Иваныч и не признает нас, писаками называет. А колхоз передовой, есть о чем и о ком писать, у его председателя несколько орденов, в том числе орден Ленина. Да там вообще сплошные орденосцы — и доярки, и механизаторы, и скотники. Несколько человек — полные кавалеры ордена Трудовой Славы, а это, ты же знаешь, приравнивается к Героям Социалистического Труда! Не колхоз, а Клондайк, золотой каньон для нашего брата. Но ты не обольщайся. На Донцова где сядешь, там и слезешь... Слушай, это ж Крюкова, наверно, тебя на прочность пробует. Она всех новичков туда посылает.

— И как же быть?

— А как тут быть? Считай, зря прокатишься: время убьешь да бензин сожжешь.

Весь вечер я ломала голову: как все-таки взять материал у Донцова? Решила одно только — одеться понаряднее. Достала белые босоножки на шпильках, погладила лучшее свое платье — по белому полю фиолетовые ирисы, как живые, вырез на груди, а рукава со шнуровкой, так что видны плечи. В этом платье я в гарнизоне была вне конкурса, испытано.

И еще решила — к самому председателю не подходить. Есть же там агроном, парторг, бригадиры, наконец. Еще на первом курсе в «Основах журналистики» нам втолковали, что информацию необходимо брать из трех источников. Если все совпадает, значит, факты правдивые. Обойдусь без председателя, а материал все равно возьму. Прорвемся...

Едва-едва рассвело, как редакционный «уазик» уже стоял под окнами. Я расфрантилась, не пожалев напоследок французских духов, и выплыла из подъезда. Шофер Миша чуть голову не свернул, глядя на меня.

— Мать честная, что это за принцесса? Это в колхоз ты так собралась?

— А что?

Он рукой махнул:

— Сама поймешь. Ладно, поехали, а то опоздаем...

Миша давно работал в редакции. Он пережил нескольких редакторов, с десятков завотделом, знал все колхозы и совхозы, председателей и директоров, парторгов, агрономов, зоотехников, многих передовиков. Он хоть кого разыщет в самом глухом уголке района. Это мне завотделом сказала.

Всю дорогу меня распирали гордость — вот я наконец настоящий журналист. Не международник, конечно, как мечтала, а селькор. Ну и что? Даже романтичнее. Еду в пограничное село за главного, на переднем сиденье. Машина весь день в моем распоряжении. Вокруг, куда ни глянь — ровные, ухоженные поля между березовыми да осиновыми рощицами. Листья едва-едва начали распускаться. Даже травы зеленой почти нет, а сев уже начался. Не рано ли? Все знающий Миша объяснил, что пока земля не растаяла в глубину, надо успеть положить зерно в верхний прогретый слой, а то потом на поле не заедешь — мерзлоту вверх подтянет, техника начнет вязнуть. Чтобы прорасти, зерну достаточно всего нескольких сантиметров талой почвы. К тому же для всходов влага будет нужнее. Позже, когда посевы начинают боронить, земля уже подсохнет.

Я ничего этого не знала. А сколько нового еще предстоит узнать! Вот это здорово! Впервые мне откроется неведомый мир людей от земли с их буднями, делами и проблемами. Побыстрее бы доехать!

Сквозящие светлой зеленью лиственные перелески сменились хвойными. Потянуло свежестью. Колхоз стоит на берегу Амура. Значит, скоро приедем.

— Куда мы сначала? — спросила я, увидев наконец село в малахитовой зелени сосен.

— В контору, куда ж еще?

— Нет, давай сперва на зерновой двор. Мне агроном или парторг нужны.

— Как скажешь, начальник.

На зерновом дворе уже было полно мужиков. Они громко переговаривались, курили, смеялись. Но как только я вышла из машины — настала полная тишина. Все уставились на меня, некоторые даже присвистнули. Вот когда до меня дошел смысл Мишиных слов. В своем лучшем наряде я тут выглядела нелепо. Механизаторы смотрели на меня как на инопланетянку. Но отступать некуда, да это сейчас и неважно. Главное — добыть материал по севу...

С блокнотом в руках я протиснулась сквозь толпу. В просторном помещении за столом сидел рыжеволосый конопатый человек, которого со всех сторон обступили механизаторы. Это и был парторг. Я быстро догадалась, что он выдавал премию за вчерашний день.

В комнате стоял гул, а от папиросного дыма — серо-голубое марево. Меня оттеснили к стене, где я и застыла, вцепившись в блокнот. Главное — не упустить парторга. Миша улизнул на рыбалку, сказав, что у парторга своя машина, на которой он обычно и возит корреспондентов. Перечить ему я не решилась. Прозеваю парторга — не попаду ни на поле, ни на фермы, ни в ремонтные мастерские. А вернуться с пустым блокнотом — нет, это невозможно!

За столом у окна я заметила человека лет сорока-пятидесяти. На нем были темно-синий хороший костюм, бледно-голубая рубашка и синий галстук. Тронутые сединой у висков волнистые волосы оттеняли высокий лоб. Изящные брови, умные голубые глаза... Наверно, он из области, а то и из Москвы. Подойдя к нему, я спросила:

— Не скажете, где парторг?

— А вон там, где куча-мала. — Незнакомец показал пальцем на конопатого.

— Я так и думала.

— А вы кто, простите?

— Я — корреспондент.

— Из области, что ли?

— Нет, из районной газеты.

Он пристально посмотрел на меня:

— Что-то не припомню...

— А я в газете недавно. Могу удостоверение показать.

— Значит, только учишься на писаку? — спросил он, перейдя на «ты» и рассматривая меня с ног до головы.

— Почему учусь? Меня уже на факультете журналистики в Ташкентском университете научили, а потом еще в одном вузе доучивали.

— Так... — сказал он. — А парторг вам зачем? Почему именно он, а не председатель, например?

— О нет, только не председатель.

— А что так? — оживился мой собеседник.

— Да мне сказали, к нему не подъехать — гордый очень, ни с кем говорить не хочет.

— Надо же! А почему?

— Вам столько орденов дать, сколько у него, так и вы бы, наверно, не стали с простым селькором разговаривать.

— Так уж из-за орденов?

— Не знаю. А может, он просто вредина или зануда.

— Кто вам сказал?

— Я так думаю, да и все так говорят.

— Вот как... — Брови у него поползли вверх. — А вы с каким заданием от редактора?

— А чтобы председатель рассказал о ходе посевной кампании.

— Так как же вы председателя обойдете? — оживился он.

— Ну а мне что — на колени перед ним встать? Обойдусь без него.

— Как же это?

— Есть способы, — самоуверенно ответила я.

— Какие? — настаивал он.

— Думаете, у журналистов своих приемов нет? — увильнула я от ответа. — Вот вы, например, небось наслышаны о здешней посевной?

— Вообще-то кое-что знаю, — сказал он и усмехнулся.

— Вот и прекрасно! — Я тут же открыла блокнот. — Говорите, я вас слушаю.

Он прямо-таки ошалел от моей наглости. И вдруг встал:

— Тогда пойдете отсюда, тут так накурено, что свету белого не видать. Вот черти, смолят без конца!

— С удовольствием бы, — замялась я, — да боюсь парторга прозевать.

— Никуда он не денется, обещаю. Идемте же, а то передумаю.

И мой загадочный собеседник направился к выходу, не оглядываясь. «Семь бед — один ответ! — подумала я. — Кто не рискует — тот не пьет шампанского». — И двинулась за ним.

Пока выбиралась из толпы механизаторов, успевших опомниться и откровенно комментировавших мой наряд, оголенные плечи и иные части меня, он быстро удалялся.

— Подождите, — запыхавшись, окликнула я его, отметив при этом, что он был среднего роста, строен и подтянут. Густая копна каштановых волос сзади выглядела еще великолепно: они не торчали в разные стороны, как бывает у кудрявых людей, а красиво обрамляли голову, будто над прической трудился мастер.

Незнакомец остановился:

— Простите, я загнал вас совсем.

— Пустяки. Дело привычное, — сказала я, словно не два дня, а уже давно работала в газете.

Мы пошли по широкой улице. Вдоль аккуратных изгородей зеленели молодые сосны, кое-где в палисадниках зацветали примула и подснежники, почки черемух распирало пахучей зеленью, серебристо пушились вербы. Воздух был хрустально чист — чувствовалась близость большой реки. Пахло талой землей, в ней копались разноцветные куры, которых охаживали еще более яркие петухи. В завитушках облаков над селом сияло небо, в ультрамариновой бездне звенели невидимые жаворонки. Неистово светило солнце — весна вступала в свои права...

Идя, мы говорили о погоде, о соснах, о приближающемся лете. Встречные женщины уважительно кланялись: «Здравствуйте, Ван Ваныч» и косились на меня. «Угораздило же меня так нарядиться! — в который раз ругнула я себя. — Стоп! Иван Иванович?.. Уж не он ли это председатель?.. Не может быть! Вот это номер!» В сельхозотделе, слушая Машу, я представляла себе председателя злым старикашкой, рыжим и с обвислыми соломенными усами. Бр-р-р...

Подошли к конторе. Спутник помог мне преодолеть высокие ступени, поднялся на крыльцо, уверенно свернул по коридору направо и стал отпирать дверь с надписью «Приемная». У меня екнуло под ложечкой, а когда он распахнул другую дверь, перед глазами мелькнуло: «Председатель колхоза Донцов И. И.». Mamочки! Вот это влипла!

— Да заходи, не бойся, — сказал он. — Я не кусаюсь. А то сделали из меня пугало...

Я робко вошла в просторный кабинет. Он прошел к столу, за которым стояло переходящее Красное знамя района, сел, жестом приглашая и меня сесть. Не поднимая глаз, я устроилась на краешке стула и открыла блокнот. Куда только подевалась моя прежняя решительность. «Что теперь будет? Завтра же выгонят из редакции. Так мне и надо! Называется — провались... Поздравляю».

— Ну что? Выступление председателя будем делать?

Я опустила голову и не нашлась что ответить.

— Мое условие, — строго сказал он. — Будь внимательна. Прежде чем

публиковать, позвонишь мне, уточним все цифры. Ничего не приукрашивай, следуй точно моему стилю — фамилия-то моя будет стоять, мне и ответ перед людьми держать. Поняла уже, какие у нас мужики? Палец в рот не клади. Ты еще доярок наших не видела. Но сегодня не советую тебе на дойке появляться... в этом наряде.

Густо покраснев, я еще ниже опустила голову и промолчала.

— Статью надо подготовить оперативно, а то будет поздно: через день-два заканчиваем сеять овес, а ячмень и пшеница вот-вот начнут всходить.

«Вот эта да! Редакторша говорила о начале сева, а тут...»

— Материал будет в завтрашнем номере, — с готовностью вскинулась я. — На первой полосе.

— Ну-ну, посмотрим, — полыхнул он синим пламенем глаз и начал диктовать.

Я едва успевала записывать, сдерживая радость. Удача сама плыла в руки. Передо мной был умный, грамотный собеседник, речи которого можно было позавидовать. Закончив диктовать, он сказал:

— Ну-ка прочитай, не напутала ли чего...

Внимательно выслушав, он сказал одобрительно:

— Ну что, пока все правильно, а там посмотрим. Можешь возвращаться в редакцию.

— Нет, что вы, — вскинулась я. — Мне надо еще с трактористами, сельщиками, с агрономом встретиться.

— А зачем? Я ведь всех отметил.

— Меня учили, что сведения должны быть не из одного источника...

Он, наверно, рассердился, но потом рассмеялся:

— Ну что ж, валяй, проверяй, знакомься...

Поднял трубку и властно сказал:

— Парторга, агронома и зоотехника ко мне. И машину.

При мне они посоветовались, какую еще информацию можно передать для редакции.

— Да, — спохватился председатель, — знакомьтесь — это корреспондент районной газеты... — и вопросительно глянул на меня.

— Гульчера.

— Как?.. — Все уставились на меня.

— Можно просто Гуля, — сказала я.

Мы вышли на улицу. Иван Иванович отпустил специалистов и шофера, занял его место, а мне показал на переднее сиденье.

— Что же это за имя такое у вас? — спросил он.

— Узбекское. Папа у меня узбек, а мама русская, сибирячка-староверка из Горного Алтая.

— Словом, не кровь, а гремучая смесь. Теперь все ясно...

— Что ясно? — спросила я.

— Почему ты не такая, как все... ну, необычная...

Я впервые осмелилась так близко посмотреть ему в глаза и вдруг испугалась: в этих синих омутах можно утонуть, сгинуть, пропасть навсегда... Чур меня!

Председатель теперь стал совсем другим — простым, веселым, остроумным. Увлеченно рассказывал о колхозе, о людях, к которым мы ехали. Набежали тучки, солнце скрылось, потемнели поля, замолкли жаворонки, от земли потянуло сыростью. Я поежилась, пожалев, что оставила куртку в редакционной машине.

Иван Иванович заметил это и предложил свою ветровку, что лежала на заднем сиденье. Я надела ее, закатав рукава, и сразу стало теплее. Неловкость начала исчезать. Так я потом в этой ветровке и ходила в поле, около тракторов. Иван Иванович познакомил меня с лучшими механизаторами колхоза. Я всматривалась в их загорелые сосредоточенные лица, слышала простой — о земле, о погоде, о зерне — разговор.

Мне захотелось проехать на тракторе. Меня стали отговаривать от этой затеи, а потом уступили, разрешив сделать круг на сеялке. Оказалось так здорово! Правда, на другом краю огромного поля меня было уже не узнать — платье, волосы, лицо стали серыми от пыли, что клубилась за сеялками. Но это было несущественно в тот момент. Ну да ладно, отстираю! Не пропустить бы самое важное...

Мы побывали в большом добротном овощехранилище, в просторных ремонтных мастерских, где чувствовались достаток и порядок — блестели краской новенькие бороны, жатки, другая прицепная техника. Комбайны, как танки перед сражением, выстроились на площадке рядом с мастерскими.

На покосных лугах за селом осмотрели установки для сушки сена (сказали, что во всем районе таких больше нет). Потом посетили цех по приготовлению грубых кормов и огромную ферму крупного рогатого скота, отогрелись в больших теплицах, где под стеклянной крышей густо поднималась рассада капусты, перца, баклажанов, зеленели свежие, с цветками на носике огурцы и начинали пламенеть помидоры. У меня даже чуть слюнки не потекли.

Я видела крепкое, процветающее хозяйство, заинтересованных работой колхозников и их умного, опытного руководителя. Было очевидно, как уважают моего спутника колхозники, как он хорошо знает обо всех и обо всем, спокойно вникает в каждую мелочь, на ходу решая важные дела и проблемы. К нему подходили и подходили с вопросами овощеводы, слесари, доярки, бригадиры. Он запросто, как-то по-семейному говорил с людьми, советовался, решая вместе, как лучше поступить. Я едва успевала записывать то, что видела и слышала.

Потом мы обедали вдвоем с Иваном Ивановичем. И не в общей столовой, где толпились механизаторы, а в одном из подсобных помещений того же здания. Это был небольшой банкетный зал — очень уютный и оформленный, скорее всего, во вкусе главы колхоза: нежно-голубые обои с незабудками, шелковые шторы в тон, синие, почти опаловые светильники над столом. Все сияло чистотой и свежестью. Не ожидала встретить такое в отдаленном колхозе. Даже фарфоровая посуда словно подбиралась под цвет глаз председателя.

Я знала, что существует связь цвета с эмоциональным и физическим состоянием человека. Такое обилие синего и голубого в одежде и окружении

моего собеседника означало, что он стремится к эмоциональному покою и гармоничному состоянию, к порядку и стабильной ситуации.

На столе, покрытом васильковой скатертью, в большой вазе красовались огурцы, щетинились зеленые перья лука и пучки укропа, пунцовыми боками отсвечивали помидоры. Все это я видела в теплице. А уж когда повариха внесла ароматный борщ и котлеты, я поняла, что сильно проголодалась. Иван Иванович, почти ни к чему не притронувшись, смотрел на меня и молчал, едва пригубив бокал рубинового вина.

— Я, наверно, утомила вас? — спохватилась я.

— Нет, что ты, — сказал он, улыбнувшись. — Наоборот, хороший был день. К тому же и дел вон сколько решили — сама видела. Все дела, дела, — вздохнул он, — так за ними и жизнь уходит, оглянуться не успеешь...

— Да что вы такое говорите! Как — уходит?

Он подошел к окну, отдернул занавеску:

— А вот так и уходит, точно один раз в окно взглянул. С возрастом начинаешь это понимать. Если бы с десяток годков сбросить...

Он проводил меня к машине.

— Ну что ж, приятно было познакомиться. Приезжай еще, буду рад. Звони. Все наши телефоны в редакции есть. А это тебе премия за храбрость. — И он показал на заднее сиденье, где лежала увесистая сумка.

Теперь мне казалось, что редакционный «уазик» тащится слишком медленно. Мысленно я неслась перед ним на горячем белом коне с полным блоком драгоценной информации.

Уже в сумерках мы подъехали к моему дому. Миша помог занести мой багаж и от себя презентовал двух увесистых карасей и щуку, строгонастроено наказав не говорить Крюковой, что он целый день рыбачил. Едва за ним захлопнулась дверь, я заглянула в сумку. Там были свежие огурцы, помидоры, редис, лук и другая зелень из теплицы, а под ними — свежее мясо, творог и еще что-то. Вот это подарок — на целый месяц хватит!

Семейство мое было в отпуске. Отмывшись в ванне и выстирав платье, я засела за статью, чтобы с самого утра положить ее на стол редактора. Править почти ничего не пришлось, так понятно рассказал мне Иван Иванович о завершающейся посевной. Это было тем более важно, что в других хозяйствах к севу еще не приступали. В райкоме нервничали. Нужны были положительные примеры, чтобы расшевелить остальных. В блокаде были и другие материалы, пришлось просидеть над ними чуть ли не всю ночь.

Утром в кабинете редактора собрались сотрудники всех отделов на планерку.

— Марья Александровна, вот выступление Донцова, — сказала я. — Отдать его на машинку?

В кабинете все буквально остолбенели.

— Что? Выступление Ивана Ивановича? Как же это... — И Крюкова стала лихорадочно просматривать лист за листом. Все напряженно следили за ней.

— Так, — оторвалась наконец от статьи редакторша. — Великолепный материал! Актуальный и положительный. Есть что показать другим. Здесь ничего не надо править. Несите его машинистке и скажите, чтобы печатала в первую очередь. Пойдет в этот номер на первой полосе. Ну, Иван Иванович, опять всем нос утер! Еще что-нибудь взяли?

Я стала перечислять, что привезла из колхоза:

— Репортаж с парникового хозяйства, интервью с начальником комбикормового цеха, выступление рабочего овощехранилища и зарисовку о механизаторе, лидирующем на взмете зяби. Иван Иванович просил перезвонить ему и уточнить цифры, прежде чем публиковать выступление, а у меня его телефона нет.

— Я сама позвоню, не беспокойся. Слава богу, лед тронулся. А то хоть репку-матушку пой с этим колхозом! Учитесь, господа журналисты, как материал брать!

С того дня, понимая, что после возвращения детей и мужа у меня будет мало времени, я работала не поднимая головы в редакции и дома, засиживаясь за полночь. Но душа моя пела и ликовала. Наконец-то я занимаюсь делом, о котором мечтала с детства, хотя, было время, сама же наступила на горло собственной песне — бросила факультет журналистики и поехала к черту на кулички за мужем. Работала в сельской школе и тосковала по газете. И вот теперь сбылось... Нет, истину говорили греки: «Желающего судьба ведет, а нежелающего — тащит».

В моем отделе писем следовало освещать культурную жизнь района, но я «заболела» сельским хозяйством. Село кормило страну, само оставаясь обделенным и неблагоустроенным — без коммунальных услуг и нормального обеспечения товарами. Возвращаясь из совхоза или колхоза, я подолгу отмокала в ванне, чтобы отмыться от пыли или избавиться от запаха навоза. А все люди, о которых я писала, работающие не покладая рук, не имели возможности помыться в ванне и отдохнуть в доме с паровым отоплением. Только теперь я поняла по-настоящему, как достаются нам хлеб и молоко и чего они стоят сельчанам. Да, городская жизнь не шла ни в какое сравнение с сельской. Самое настоящее неравенство, ведь это очевидно.

А Иван Иванович стал теперь частым гостем в редакции. Правда, Крюкова тут же уводила его в кабинет, поила чаем или кофе, болтала без умолку и даже строила ему глазки. Но иногда он заходил и ко мне. Я терялась под взглядом его грустных синих глаз. Зато почти каждое утро, после планерки, мы с ним беседовали. Он звонил сам и всякий раз передавал важную информацию, интересовался, где я была, о чем писала, рассказывал о соседних хозяйствах, советовал, на что обратить внимание там, куда я собиралась ехать. От него я знала, что там хорошо, а что плохо и будет утаиваться, снабжал меня возможными контраргументами. На месте я всегда убеждалась, что он был прав.

О том, что происходит в районе, он знал лучше, чем все члены бюро райкома, вместе взятые. Благодаря Ивану Ивановичу я добывала самый актуальный материал, который становился «гвоздем» номера.

Позже я узнала, что Иван Иванович не всегда был председателем колхоза. Где-то в средней полосе России он был первым секретарем большого промышленного обкома, и орден Ленина у него — еще с тех времен. Его даже прочили на работу в ЦК партии, но, как всегда, у неординарного человека без связей нашлись завистники и недоброжелатели.

Он уехал на Дальний Восток, в маленькое село на родину жены (сам был детдомовцем), поднял захудалый колхоз до уровня самого передового в районе, а по многим показателям — и в области. Тогда-то и посыпались на его колхозников ордена и медали.

От руководящих должностей в государственных и партийных структурах отказывался наотрез, твердо посвятив себя земле-матушке. Так что при первой встрече интуиция меня не подвела: не зря я решила, что он — «аж из самой Москвы».

— Что это Донцов зачастил к нам? — ехидно спрашивали меня сотрудницы.

Я краснела и только отшучивалась.

К концу первого месяца работы в редакции оказалось, что поработала я «зело борзо»: у меня было самое большое количество строк, а три моих материала стали победителями в конкурсе «Золотое перо редакции».

А на второй год меня наградили путевкой в международный журналистский лагерь и приняли в Союз журналистов. Давно я не работаю в газете, но эта пора и по сей день дорога мне как память о молодости, о сбывшихся и несбывшихся надеждах. И, конечно, об Иване Ивановиче — одном из самых незаурядных людей, с которыми мне довелось встретиться. О человеке, который многое помог мне понять в этой жизни.